

«Что происходит? Почему Нефритовая книга Гор и Морей опять раскололась? Неужели и теперь придётся пустить кровь, чтобы её восстановить?»

Как только она вновь пошла трещинами, запястье Шэнь Цинчжоу обожгло резкой вспышкой жара.

Там, под кожей... пульсировал тотем, оставленный Чжоу Фу.

Таоте вздрогнул. Облизнув сухие губы, он растерянно пробормотал:

— Книга... У тебя с собой Нефритовая книга Гор и Морей? Нет, бред какой-то! Откуда у тебя этот свиток?!

Его бессвязный лепет лишь сильнее запутывал Шэнь Цинчжоу.

Видимо, древний монстр занервничал. Хотя его когти всё ещё намертво сжимали плечо юноши, удушающая техника чтения души оборвалась. Шэнь Цинчжоу судорожно, со свистом выдохнул, чувствуя, как только что избежал гибели. Сердце колотилось в рёбрах диким набатом.

Вдруг Таоте словно осенило, и он зловеще выкрикнул:

— Цзи Сюаньсяо! Это ведь он тебе её отдал?! Проклятье, кости этого паршивца давно сгнили, а он всё никак не угомонится! Нашёл же время... Будто не понимает, что разгребать этот бардак больше некому!

«Цзи Сюаньсяо? — пронеслось в голове Шэнь Цинчжоу. — Неужели он имеет в виду Белого Императора Шаохао? Но почему он говорит о нём с таким неприкрытым презрением? Разве что...»

Разве что этот монстр лично застал те времена и знал древнего владыку.

Юноша вспомнил, как бледнолицый чужак величал себя мгновением ранее: потомок Пламенного Императора Янь-ди, чиновник Жёлтого Императора Хуан-ди, отпрыск рода Цзиньюнь.

«Был у рода Цзиньюнь недостойный сын, ненасытный в еде и питье, жадный до богатств, погрязший в роскоши и стяжательстве. Не ведал он жалости к бедным и убогим, и прозвали его люди Поднебесной Таоте, причислив к четырём семенам зла...»

— Таоте! — потрясённо выдохнул Шэнь Цинчжоу.

Перед ним стоял сам Таоте. Одно из четырёх первородных чудовищ древности.

Легенды гласили, что Свирепые Звери сгинули без следа тысячи лет назад. Летописи не хранили ни единого упоминания об их бесчинствах за последние века, и смертные наивно полагали, будто зло искоренено навсегда. Однако стоящий перед ним юнец одной своей аурой насмехался над людской гордыней.

Четыре беды живы. А значит, вечной войне не суждено утихнуть.

Шэнь Цинчжоу ощутил, как к горлу подступает горькая тоска. Раз уж Таоте вырвался на свободу, то и пробуждение остальных трёх чудищ — лишь вопрос времени. Сколько бедствий обрушится на Поднебесную? Сколько семей будет разрушено, сколько прольётся крови?

Впрочем, тут же оборвал себя юноша. Глупо размышлять о судьбах мира, когда твоя собственная жизнь висит на волоске. Таоте достаточно одного мимолётного движения, чтобы свернуть ему шею как цыплёнку.

Чудовище зловеще оскалилось:

— Гляди-ка, признал!

— Ну признал, и что дальше? Легче мне от этого станет? К тому же ты сам только что выболтал всё о своём происхождении! — от безысходности и злости Шэнь Цинчжоу осмелел настолько, что решился огрызнуться.

Таоте окинул его оценивающим взглядом, точно наткнулся на диковинную безделушку.

— Ого? Не знал, что среди демонов Бездны встречаются такие забавные экземпляры. Ха, а ты мне нравишься всё больше! Через какую брешь ты сюда просочился? Давай я запечатаю этот лаз, а ты плюнешь на своего Главного Бога и пойдёшь ко мне? Будешь со мной заодно!

— Демон Бездны? — Шэнь Цинчжоу скорчил непередаваемую гримасу. — Может, разуешь глаза и приглядишься получше? Тебе не приходило в голову, что я обычный человек?

Пока язык молот чепуху, разум юноши лихорадочно сопоставлял факты.

Чжоу Фу говорил, что брешь в небесах — это огромная дыра, сквозь которую можно видеть то, что снаружи. Таоте же принял его за демона, лазутчика, проникшего в Бездну Гаюань через эту брешь. А владыку этих демонов, кажется, величают... Главным Богом? Чудное имя.

— Человек? — издевательский хохот Таоте прервал его мысли. — Обычный смертный ни за что не смог бы забрать Нефритовую книгу Гор и Морей у Цзи Сюаньсяо.

Шэнь Цинчжоу помрачнел. Слова монстра попали в цель. Когда он забирал осколки священного фолианта из молочно-белого тумана, невидимая преграда преградила путь и Цинь Сыминь, и Су Пинь. Они не смогли сделать и шагу навстречу.

Даже другие обломки книги отторгались древней печатью, а он прошёл сквозь барьер без малейшего сопротивления.

Неужели чудовище право? Неужели в его жилах течёт не человеческая кровь, а тёмная скверна демонов Бездны?

Разумеется, Шэнь Цинчжоу знал, кто такие демоны Бездны.

Старинные трактаты описывали их как существ, внешне неотличимых от людей, но одержимых первобытной жадой разрушения. Единственным признаком, выдававшим их истинную сущность, была тень — блёклая, едва различимая, словно подёрнутая дымкой. Никто не ведал истоков их появления, но стоило демону родиться, как он принимался крушить всё живое и неживое на своём пути.

Будь то великий практик или беззащитный пахарь, дикий зверь или полевой цветок, даже безжизненный валун — демоны обращали в прах всё, до чего могли дотянуться. Впрочем, современные практики давно списали эти хроники на суеверия предков. До сегодняшнего дня никто не мог с уверенностью сказать, существовали ли порождения Бездны на самом деле.

Но теперь, когда об этом обмолвился сам Таоте, сомневаться не приходилось: в стародавние времена демоны действительно терроризировали Поднебесную.

И всё же Шэнь Цинчжоу недоумевал. Он никогда не отличался кровожадностью, разве что изредка действовал на эмоциях, да и тень его ложилась на землю плотным, чётким контуром. С чего вдруг древний монстр записал его в чужаки?

Пока он блуждал в лабиринтах собственных мыслей, запястье правой руки обожгло, будто к коже прижали раскалённое железо. Вспышка боли мигом вырвала его из плена сомнений, вернув ясность рассудку.

Таоте не стал дожидаться, пока пленник разберётся со своими чувствами. Заметив, что оставшиеся на поляне практики собираются с силами для броска, монстр раздражённо клацнул клыками.

— Какая морока.

Одним слитным движением он схватил Шэнь Цинчжоу, и его силуэт мгновенно растаял в воздухе.

Ветер бешено свистел в ушах. Парализованный чужой волей, Шэнь Цинчжоу не мог пошевелить даже пальцем. Тело онемело, и лишь метка, оставленная Чжоу Фу, продолжала упрямо пульсировать глухим, томящим теплом.

Юноша мысленно ворчал. Какой прок от этой метки? Горит всюду, а толку никакого!

«Неужели это всё, на что способна хваленая защита великого мастера? Жалкая искра духовной силы?»

Куда его тащит этот прожорливый зверь? Сыминь и остальные наверняка уже с ума сходят от тревоги.

Они неслись с немыслимой скоростью. Лязг оружия и крики сражающихся на Высокой горе Тяньтай вскоре окончательно затихли вдали. Даже если бы им на пути попались дозоры Цай Биня, спешащие на зов сигнальных ракет, вряд ли простые солдаты решились бы напасть на первородное чудовище. Да и силёнок у них не хватило бы, чтобы отбить пленника.

Клан Цинь славился своими сильными практиками, но далёкой воде не потушить близкий пожар. Захоти Таоте полакомиться его плотью прямо сейчас, старейшины даже костей обглоданных не найдут.

Ведь Таоте, как известно, пожирает всё без остатка.

Когда безумная скачка наконец прекратилась, Шэнь Цинчжоу обнаружил себя в совершенно незнакомом месте. Единственным утешением было то, что он по-прежнему сжимал в руке меч Влекущий Тень — слабая, но всё же опора.

Таоте разжал пальцы, бесцеремонно швырнув юношу на землю, и уставился на него сверху вниз хищным взглядом.

— Ну а теперь выкладывай Нефритовую книгу Гор и Морей.

Кое-как поднявшись на ноги и потирая ушибленный бок, Шэнь Цинчжоу не стал торопиться с отказом, но и соглашаться не спешил. Вместо этого он спокойно произнёс:

— Буквально только что Нефритовая книга Гор и Морей раскололась.

Он физически ощущал, как сокрытая под одеждами нефритовая дощечка превращается в мелкое крошево. К счастью, она лежала в плотном холщовом мешочке, пришитом к подкладке,

иначе бесценный прах давно бы высыпался сквозь прорехи в подоле.

— Насколько всё плохо? — Таоте нахмурился, и в его голосе внезапно проступила неподдельная тревога.

Заметив это мимолётное беспокойство, Шэнь Цинчжоу приободрился. Кажется, появился шанс договориться.

Пускай нрав у чудовища был диким и непредсказуемым, его интерес к священному артефакту оставался неоспоримым. Более того, Таоте явно нуждался в целой, исправной книге, а не в кучке бесполезных черепков. Пока Шэнь Цинчжоу оставался единственным, кто способен её восстановить, его жизни ничто не угрожало.

Ухватившись за эту мысль, юноша сокрушённо вздохнул:

— Хуже некуда. Почти вся в труху стёрлась.

Монстр вздрогнул от неожиданности:

— Да покажи же её! Живее! — Он заметался из стороны в сторону, бормоча в панике: — Какая безалаберность... Почему молчал?! Раз уж тебе доверили хранить Нефритовую книгу Гор и Морей, нужно было беречь её как зеницу ока!

— А по чьей вине она разбилась, позволь спросить? — Шэнь Цинчжоу сердито ткнул в его сторону пальцем. — Если бы ты не набросился на меня со своей дикой ворожкой, книга была бы цела и невредима!

Таоте опешил:

— То есть... ты хочешь сказать, это я во всём виноват?

— А кто же ещё? — Шэнь Цинчжоу уставился на него в упор. — Уж точно не я. И тебе не стыдно перекладывать вину?

На лице высокомерного древнего хищника отразилось крайнее изумление. Он вылупился на дерзкого мальчишку, не веря собственным ушам. За тысячи лет никто не осмеливался отчитывать его, точно нашкодившего щенка.

Наконец, совладав с собой, Таоте проворчал:

— Ладно, теперь я вижу, что ты не демон Бездны. У тех тварей мозгов побольше будет, они бы

поостереглись так глупо нарываться на рожон.

— В каком смысле?

— Да в таком. Слишком уж ты смелый. Даже выродки Бездны не рисковали разговаривать со мной в подобном тоне.

Шэнь Цинчжоу промолчал. Признаться, он и сам не подозревал, что в критический момент окажется настолько упрямым. Как там говаривал Тань Ци? «Оловянный лоб»? Пожалуй, это определение подходило ему как нельзя лучше.

Таоте внезапно сдупся. Спесь с него мигом слетела, уступив место унынию.

— Чёрт с тобой, — проворчал он, понутив голову. — Отдай мне осколки, попробую наколдовать что-нибудь. Ума не приложу, как тебе удалось выкрасть фолиант у Цзи Сюаньсяо...

В эту минуту в нём не осталось и следа от грозного Свирепого Зверя. Шэнь Цинчжоу невольно подумал, что сейчас монстр подозрительно напоминает кроткого ягнёнка.

«Вот бы он всегда был таким тихим», — усмехнулся про себя юноша, запуская руку за пазуху, чтобы достать заветный мешочек.

Но едва его пальцы коснулись ткани, как запястье взорвалось нестерпимым жаром. Раскалённый поток хлынул вверх по предплечью, разделяясь на два русла: одно устремилось напрямик к сердцу, а второе мгновенно напало кончики пальцев духовным огнём.

Моргнув, Шэнь Цинчжоу совладал с лицом и заставил себя не прерывать движения, дабы не выдать внезапную перемену.

Однако обмануть древнее чутьё не удалось. Таоте резко вскинул голову и шумно втянул носом воздух. Он впился взглядом в ладонь Шэнь Цинчжоу, а прищурившись, превратил зрачки в две тонкие вертикальные щели.

— Бучжоу... — едва слышно прошептал он.

В то же мгновение пространство вокруг них содрогнулось от тихого, но исполненного запредельного величия голоса. Он шёл отовсюду — лился с небес, поднимался из недр земли, вибрировал в самом воздухе:

— Потомок Цзинъюнь.

Шэнь Цинчжоу замер. Его глаза широко распахнулись. Он приоткрыл рот, но вовремя прикусил язык, с трудом сдержав готовое сорваться имя.

«Чжоу Фу!»

Этот голос, пусть и звучащий непривычно холодно и торжественно, он узнал бы из тысячи. Никакой ошибки быть не могло.

Шэнь Цинчжоу медленно повернул голову. Рядом с ним, соткавшись из седого тумана, высилась полупрозрачная фигура. Подол его призрачного халата плавно колыбался, словно от дуновения несуществующего ветра.

«А ведь я впервые вижу его в полный рост, — не к месту подумал юноша, чувствуя, как липкий страх окончательно отступает. — Надо же, какой он, оказывается, высокий».

Почувствовав на себе взгляд, Чжоу Фу повернулся. Его ледяной взгляд при виде Шэнь Цинчжоу мгновенно смягчился, превращаясь в тихую, глубокую заводь, способную отразить самые сокровенные помыслы живой души.

«Вот бы на это полюбовался Цай Бинь, — подумал Шэнь Цинчжоу с лёгкой усмешкой. — Посмотрел бы, каков человек с чистыми помыслами, и, быть может, сгорел бы от стыда за свои вечные интриги».

От этой мысли юноша невольно улыбнулся.

Заметив его весёлость, Чжоу Фу удивлённо взглянул, но тоже мягко улыбнулся в ответ.

Однако стоило ему перевести взгляд на Таоте, как он мгновенно переменялся в лице. Мягкость бесследно испарилась, уступив место мертвенному, ледяному безучастию. Он смотрел с ледяной пронзительностью.

Таоте презрительно фыркнул, явно не желая склонять голову перед величием незваного гостя:

— И что дальше? Сам Великий Юй не сумел меня уничтожить, а ты — всего лишь блёклый фантом, жалкий сгусток духовной силы. Что ты мне сделаешь?

Слова звучали грозно, но Шэнь Цинчжоу прекрасно видел, что монстр откровенно блефует.

— Я и не собирался вредить тебе, — бесстрастно отозвался Чжоу Фу. — Твоя судьба меня не заботит.

Он медленно указал рукой на Шэнь Цинчжоу:

— Или ты до сих пор не понял, кто перед тобой?

Юноша растерянно переводил взгляд с одного на другого:

— Пойдите... А что со мной не так?

Лицо Таоте потемнело. Он долго молчал, взвешивая каждое слово, прежде чем хрипло произнести:

— Ты не боишься, что это очередная уловка Главного Бога? Он мог вылепить куклу с тем же лицом...

— Исключено, — отрезал Чжоу Фу, оборвав его на полуслове. — Тебя легко обвести вокруг пальца, но меня не обманешь.

В его ровном голосе звенела абсолютная, непреклонная уверенность.

— Вот оно как... Тогда понятно, почему вы столь похожи, — Таоте заметно расслабился, словно с его плеч сняли тяжкий груз.

К изумлению Шэнь Цинчжоу, свирепый хищник сложил ладони в уважительном жесте и отвесил ему низкий, чинный поклон:

— Прошу простить мою давешнюю дерзость. Я не ведал, что творю.

Опешив от такой перемены, юноша поспешил отступить на шаг назад, чувствуя себя крайне неловко под поклоном столь грозного существа.

— Полно тебе, не нужно этого. Поднимись.

— Пусть кланяется, — ровно проговорил Чжоу Фу, обращаясь к Шэнь Цинчжоу. — Иначе, когда о его сегодняшней выходке прознают остальные, его просто забьют до смерти. — Он скользнул взглядом по Таоте: — Хорошо, что он не замыслил против тебя дурного, иначе я не позволил бы ему и дальше стоять на ногах.

— Почему это его должны побить? — непонимающе нахмурился Шэнь Цинчжоу.

— Потому что ты очень важен, — просто, как нечто само собой разумеющееся, ответил Чжоу Фу.

«Важен?» — мысленно усмехнулся Шэнь Цинчжоу.

Едва ли. В клане Цинь от его отсутствия никто не заплачет, да и место главы Терема Черной Птицы легко займёт кто-то другой. Наверное...

Юноша украдкой взглянул на призрака. Тот смотрел строго перед собой, больше не оборачиваясь на спутника, и сжал губы в тонкую бледную линию.

И тут в голову Шэнь Цинчжоу закралась странная, почти дерзкая мысль.

«Может быть, он важен лишь для самого Чжоу Фу? В конце концов, в этой бесконечной глуши собеседников у древнего духа было раз-два и обчёлся».

— Ладно, суть я уловил, — подал голос Таоте. — Раз уж сам господин Бучжоу ручается за тебя, я оставлю притязания на Нефритовую книгу Гор и Морей. Однако барабан Куйню мне всё же придётся забрать.

— Воля твоя, меня это не касается, — безучастно отозвался Чжоу Фу.

Он повернулся к Шэнь Цинчжоу:

— Почувствуй, что книга расколота, я сразу понял, что ты в беде. С трудом удалось перенести сюда это воплощение... Прости, я немного запоздал.

— Вовсе нет, — покачал головой Шэнь Цинчжоу. — Ты явился как раз вовремя. Только я никак не возьму в толк: с чего вдруг Нефритовая книга Гор и Морей опять пошла трещинами?

<http://bllate.org/book/18428/1864273>